

DOI 10.31250/2618-8600-2021-3(13)-207-243

УДК 004.92

А. В. Головнёв

Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-5716-655X
E-mail: Andrei_golovnev@bk.ru

■ Игра в карты: визуализация Севера*

АННОТАЦИЯ. Карта — визуализация пространства, его схематическое восприятие и изображение, свойственное людям разных культур с глубокой древности. Вместе с тем это средство не только представления, но и концептуализации информации. Как визуальная геополитика картография соотносится с правом на пространство, наименование мест, обозначение границ и другие контуры мироустройства. В статье рассматриваются средства и традиции картографической визуализации Севера — от арктических наскальных рисунков до опытов выражения северности России — и выделяются разделы «Паутина пути и кол неба», «Север сверху и снизу», «Взгляд из Арктики». В традиционных представлениях коренных народов Арктики Север центрирован Полярной звездой и сценариями движения относительно нее. Север воспринимается не дуалистично, а многогранно, и для понимания его символики правильнее отказаться от черно-белой оценочности и настроиться на сложные спектры и тонкие оттенки. В сочетании полутонов и переходов выражена драматургия Севера с его самобытными, подчас жесткими и неоднозначными, ценностями и установками. Северность России, явственно просматривающаяся на картах, особенно в полярной проекции, соответствует ее пространственной и культурной позиции как страны высоких широт Северного полушария. Правда, эта северная идентичность настолько очевидна и привычна для России, что не выражена идеологически.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: карта, визуализация, северность, Россия, Арктика

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:
Головнёв А. В. Игра в карты: визуализация Севера. *Этнография*. 2021. 3 (13): 207–243.
doi 10.31250/2618-8600-2021-3(13)-207-243

* Статья подготовлена за счет гранта РНФ, проект № 19-18-00116 «Визуализация этничности: российские проекции науки, музея, кино».

A. Golovnev

Peter the Great Museum of Anthropology and
Ethnography of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-5716-655X
E-mail: Andrei_golovnev@bk.ru

■ Playing Maps: Visualization of the North

ABSTRACT. Map is a visualization of space, its schematic perception and depiction inherent to people of various cultures from time immemorial. At the same time, it is a tool for both presenting and conceptualizing information. As a form of visual geopolitics, cartography implies the right to space, place naming, and designation of borders and other contours of the world. The article discusses the means and traditions of the cartographic visualization of the North, starting from the Arctic rock paintings and up to the mapping of Russia's northernness. It consists of the sections titled "The web of routes and pillar of the sky", "The North above and below", and "A view from the Arctic". In the traditional indigenous Arctic peoples' perception, the North is centered onto the Polar Star and scenarios of movement relative to it. The North is pictured not dualistically against the South, but rather in a dynamic balance, and understanding of the symbolism of the North is rather achieved by abandoning the black and white assessment and tuning in to complex spectra and fine shades. The combination of half-tones and color gradients expresses the dramaturgy of the North with its original, sometimes harsh and ambiguous values and attitudes. The northernness of Russia, clearly visible on maps, particularly in the polar projection, corresponds to its spatial and cultural position as a country of high latitudes in the Northern Hemisphere. However, the northern identity is so obvious and familiar to Russia that it does not manifest itself ideologically.

KEYWORD: map, visualization,
northernness, Russia, Arctic

FOR CITATION: Golovnev A.
Playing Maps: Visualization of the North.
Etnografia. 2021. 3 (13): 207–243. (In Russ.).
doi 10.31250/2618-8600-2021-3(13)-207-243

Карта обладает не только смыслом, но и магией. Если продолжить размышления Уильяма Митчелла об одушевленности картин (Mitchell 2005), то у карты обнаружится власть: не случайно слова *карта* и *хартия* — однокоренные (др.-греч. *χάρτης*; лат. *charta*; англ. *chart* и др. в значении «бумага» как символ закона). Распространено представление, что в эпохи Ренессанса и Просвещения картография, особенно в печатных изданиях, служила популяризации, или демократизации, знаний о пространстве. Действительно, карта как схема пространства может считаться универсальным способом его восприятия и изображения, свойственным людям разных культур с глубокой древности. Вместе с тем официальные карты несут в себе и дух закона, утверждая визуальные образы государств, в том числе их столиц и границ. В геополитической конкуренции между странами, особенно в условиях войны, карта нередко становится не только диспозицией действия (наступления или обороны), но и инструментом пропаганды, когда «нарисованный мир» передает умозрительные (сконструированные) предпочтения и претензии, расчерчивая пространство в заданном ракурсе. Тот, кто рисует карту, запечатлевает в ней свой образ миропорядка, предлагаемый или навязываемый пользователям.

Государственная картография — визуальная геополитика, в которой право на карту соотносится с правом на раздел и передел пространства. Не случайно картография бурно развивалась в странах, увлеченных колонизацией, а право на карту всегда принадлежало сильным мира сего. В эпоху европейской колониальной лихорадки картография приобрела статус государственной тайны и монополии. Охота за картами во все времена была важной частью шпионажа, а «открытие карт» врагу считалось государственным преступлением.

С развитием картографии заложенные в ней сведения становились более точными, а приемы политики и идеологии — более изощренными. Марк Монмонье в книге «Как лгать картами» раскрывает секреты карточных манипуляций с помощью проекции, масштаба, цвета, символов и др. Он полагает, что «лгать картами не только легко, но и важно»; у карт, подобно речам и картинам, есть конкретные авторы, способные исказить реальность «в силу невежества, зависти, идеологической слепоты или злого умысла» (Monmonier 1991: 1, 2). Приемы картографии позволяют придавать изображаемому пространству нужные оттенки и значения, при этом карта оказывается одновременно социальной конструкцией, информационной базой и произведением искусства (Harley 2001). Чем точнее и совершеннее карта, тем глубже врезаются в память ее абрис и детали, выделяемые картографом.

Едва ли не самым эффективным приемом обозначения приоритетов на карте служит выбор центра композиции (Short 2003: 15). В изобразительных искусствах центральная фигура замыкает на себя всю экспозицию, и в картографии помещенный в середину объект воспринимается как

«пуп земли», доминирующий над периферией. При виде глобуса по-африкански, по-австралийски или по-эскимосски (рис. 1) тут же просятся на язык истории соответственно о прародине человечества, об уникальной природе и культуре острова-материка, о «циркумполярном Средиземноморье» — каждое изображение вызывает свою повесть о планете Земля.

Нанесение на карту названий и образов народов создает представление, что земная поверхность поделена между ними, а картография служит наглядным способом сбора и свода этнографических знаний. Подобная практика сопровождала мировую геополитику со времен Птолемея и античных логографов, ярко выразившись в итальянской, арабской, голландской и английской картографии. В эпоху Великих географических открытий на картах стали появляться не только обозначения народов, но и рисунки их костюмов (например, карта Турецкой империи 1626 г. Дж. Спида). Изобразить народ значило нанести его на карту, а изобразить империю — нанести на карту много народов. Сегодня диалог между эссенциалистами и инструменталистами предполагает противоположные ракурсы оценки картографии народов как свидетельства: (1) устойчивой значимости категории «народ» в разные эпохи, (2) субъективных предпочтений картографов, избравших «народ» в качестве главной фигуры пространства. На самом деле, как и в других подобных раскладах, в картографии эти два ракурса не конфликтуют, а сочетаются. В данном случае избыточным бинаризмом страдает не картография, а антропология, позволяющая себе упрощения в виде черно-белых дихотомий.

Право на название — еще одна привилегия картографа. История географических открытий показывает, что путешественники добивались встреч с известными картографами не только для консультаций, но и для включения в карту своих открытий и названий. У всех обитаемых мест до открытия их европейцами были свои туземные названия, но на карту наносились не они, а те, которые давались путешественниками соответствующего статуса. По существу, право на название равнялось праву на открытие, проистекающее из разделения мира на «открывающих и открываемых». Европейские путешественники и картографы смело расставляли на картах свои названия, маркируя тем самым власть над вновь открытыми (для Европы) землями и народами. В этом смысле любая карта — документ власти над пространством (отсюда же, кстати, исходит логика переименований городов и улиц при революционной смене власти).

Изобразить мир — сколь угодно большой или малый — значит в какой-то мере присвоить или даже «создать» его. Владение миром не ограничивается политикой и войной; по-своему владыками мира были и философы, обуздывавшие мироздание мыслью, и пророки, возвещавшие «общечеловеческую истину», и художники, создававшие свои миры. Впрочем, каждый человек имеет право на свою картину мира, но она вовсе не обязательно изображается в виде карты и подлежит массовому тиражу.

Рис. 1. Глобус по-африкански, по-австралийски и по-эскимосски

Fig. 1. African, Australian, and Eskimo style globes

У человека в голове — не одна и та же карта/картина мира, а целый атлас проекций, которые чередуются при смене точек наблюдения или воображения. Картина мира не статична, она не висит на стене, а служит навигацией в пространстве и времени: в памяти каждого из нас запечатлены уголки жизни, где нам довелось жить или бывать, включая улицы, дома, дороги, деревья, коридоры, лица людей; все они со временем меняются или перестают существовать, но в нашей памяти остаются отпечатками пространства-времени. У каждого человека есть свое разрисованное прошлое; в его фотографиях, рисунках, рассказах и бессловесных воспоминаниях воссоздается «атлас жизни», а к старости люди все чаще возвращаются к картинам юности и иногда доживают в них свой век.

Человеку свойственно не столько отражать действительность (себя и окружающий мир), сколько воображать ее. Способов изображения этого воображения много, от рисунка до театра, и даже словесное описание является по-своему изображением. Археологи спорят, чего в древних наскальных петроглифах больше — мифов или ритуалов; на самом деле в них запечатлен воображаемый и изображаемый мир. Подобные картины могут быть выбиты на скале, начерчены на песке, вышиты на ткани, переданы движениями танца или сценами сказания — в любом виде они созданы тем самым сдвоенным движением воображения–изображения, которое, подобно вдоху и выдоху, генерирует картину мира.

Отправляясь в путь, мы воображаем сценарий предполагаемых событий, хотя действительность обычно расходится с ожиданиями. Однако смысл не в совпадении или расхождении, а в пути: ментальная карта нужна нам не для созерцания мира, а для хождения по нему. Именно путь — предполагаемый и преодоленный, воображаемый и изображаемый — создает композицию, называемую мировоззрением. Если мы не ходим по мировоззрению, оно зарастает бурьяном. Главный персонаж нашей картины мира — мы сами, причем в каждодневном движении. Эта картина жизненных путей меняет свою освещенность и колорит

в зависимости от нашего настроения и состояния; она устойчива при заикленности движения и изменчива при обновлении маршрутов.

Говорят, люди со сходными ментальными картами легко находят общий язык. Действительно, сходство людей предопределяется сходством путей. Правда, пересечение путей, в свою очередь, следует из одинаковых или близких ориентаций в пространстве и ценностях, заложенных в алгоритме поиска. Если люди «находят друг друга», значит, сходятся их пути, мотивации и ценности. У людей одного культурного круга часто обнаруживаются сходные пути и, соответственно, картины мира.

Карта отличается от картины тем, что передает схему пространства, которую мы не видим (если это не снимок с высоты птичьего полета или из космоса), а лишь воображаем. Карта — искусственный, но для большинства людей устойчивый образ земли. Всеобщее доверие к карте как опорному образу (образцу) делает ее ментальной платформой людей, живущих в одном пространстве и пользующихся для его освоения общими изобразительными средствами, в том числе в образовании и просвещении.

Всем людям присущ инстинкт подражания, особенно ярко проявляющийся в визуальной имитации. Изображением можно поразить и заразить; по этому поводу говорят: «У меня не выходит из головы картина...». При этом не только поразившие воображение навязчивые образы, но и привычные схемы часто оказываются сканами чужих картин и ментальных карт, которые мы неосознанно присваиваем, слегка дорисовывая по мере пользования.

Иначе говоря, в случае с картами мы имеем дело не с объективной данностью, а с субъективным «атласом жизни», в котором есть место и изменчивости, и настроению, и выбору путей, и ценностным предпочтениям. Поэтому, избрав сегодня северную ориентацию, мы не ограничиваемся отпечатанной на бумаге географической картой, а видим в ней живую материю мировидения и дополняем сопоставимыми ментальными картами из арсенала северной этнографии.

ПАУТИНА ПУТИ И КОЛ НЕБА

Вначале речь пойдет не о картах, а о картинах. Этот раздел можно было бы назвать «Север глазами Севера». Сложность его описания и рисования состоит в совпадении зрения и изображения. Север хорошо различим в пространстве, где есть юг и обозначены полюса, но Север изнутри севера видится будто в рефракции, с эффектом миража.

За опытом самовыражения Севера следует обратиться к коренным северянам. Картины, тем более карты, составленные самими северянами, — большая редкость, и, пожалуй, лишь Чукотка благодаря петроглифам Пегтымеля и рисункам чукчей, собранным в конце XIX в.

В. Г. Богоразом, дает ключ к воображению–изображению Севера изнутри. Наскальным рисункам — не менее тысячелетия, этнографическим рисункам — более двух столетий (Богораз 1913; 1939; Диков 1971; Головнёв 2002), и есть основания считать их подлинниками изобразительной культуры Арктики.

Прежде чем рассматривать картинки, необходимо отключить привычную схему объективного пространства и времени, представив, что *времяпространство* существует (и пишется) слитно, оно динамично и субъективно, что кочевник Арктики видит времяпространство кочующим — изменяющимся в череде месяцев/сезонов и стоянок/кочевков. Легче всех такое переключение удастся тем, кто знаком с теорией относительности Минковского–Эйнштейна, которая воспроизводит основные принципы кочевого времяпространства (Головнёв 2019; 2020: 12; Головнёв и др. 2020: 61).

Эталонным мне представляется один из петроглифов на скалах чукотской реки Пегтымель — путник с посохом (рис. 2), идущий по следу, а может быть, бегущий, потому что чукчи бегают с посохом. В отличие от многих других промысляющих и танцующих персонажей Пегтымеля, путник рисуется видящим разворачивающуюся перед ним сцену, которую он читает по следам зверей (песца и оленей). Так выглядит эпизод чукотского

Рис. 2. «Путник» — петроглиф на р. Пегтымель. Чукотка, 1999 г. Фото автора

Fig. 2. “The wayfarer”, a petroglyph on the Pegtymel River. Chukotka, 1999. Photo by A. Golovnev

времяпространства глазами путника и художника, для которых картина мира предстает в относительности движения по следам путей/действий.

Путь в понимании чукчей — важное состояние человека и мира, и потому паутина (иероглиф) путей оказывается рисунком их взаимодействия. При этом путь может быть земным и внеземным, физическим и духовным. Летне-осенний ритуал *эйнеткун*, или «праздник молодого оленя» (встречи стойбища и стада после летовки), включал «мухоморные погружения», когда ясновидящие отправлялись в иные миры и возвращались с пророчествами, которые затем передавались из уст в уста и бесконечно обсуждались. Рисунки этих потусторонних походов содержат нити или целые клубки путей (рис. 3). Дороги людей Мухомора при этом расходились и сходились, как видно по рисунку, в головах людей (рис. 4), над которыми в момент погружения вырастали шляпы грибов *вапак* (рис. 5).

Рис. 3. Чукотский рисунок, изображающий переплетение путей в царстве мертвых (Богораз 1939: 103, рис. 85)

Fig. 3. A Chukotkan drawing depicting intertwining of paths to the realm of the dead (Bogoraz 1939: 103, fig. 85)

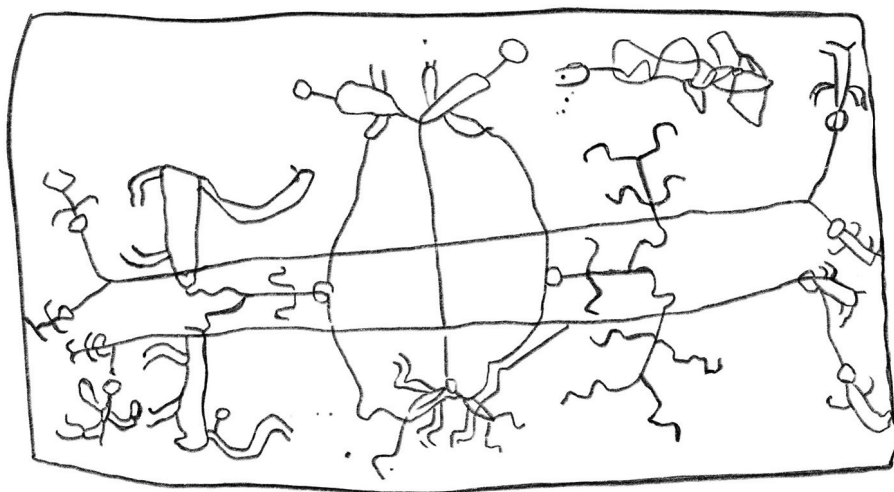

Рис. 4. Чукотский рисунок, изображающий дороги людей Мухомора (Богораз 1939: 5, рис. 1)

Fig. 4. A Chukotkan drawing depicting the paths of the *mushroom people* (Bogoraz 1939: 5, fig. 1)

Рис. 5. «Люди-мухоморы» — петроглиф на р. Пегтымель. Чукотка, 1999 г. Фото автора

Fig. 5. *Mushroom people*, a petroglyph on the Pegtymel River. Chukotka, 1999. Photo by A. Golovnev

Пути связывали все мироздание чукчей, включая небо, землю и преисподнюю. В чукотской картине мира Север — не сторона мироздания, а путь (проход) между разными мирами (всего их пять, семь или девять) в слитном субъективном времяпространстве, которое шаман преодолевает в ходе камлания.

Чукчи различают 22 стороны света, из которых неизменны «полдень» и «полночь», а остальные изменчивы в зависимости от циклов времени (суток, сезонов); отношение к ним людей также колеблется с поправкой на ощущения, в том числе сновидения. Направление «полдень» или «зенит» — «Вершина» или «Серединная маковка» — соотносится как с высшей точкой подъема Солнца, так и с Полярной звездой, называемой по-чукотски *Унпэңэр* (Воткнутый кол-звезда), вокруг которой, будто стадо оленей, ходят остальные звезды. В зените, рядом с ледяным жилищем *Унпэңэр*, есть дыра — проход между верхними и нижними мирами, и сквозь эту дыру Полярная звезда видна во всех мирах; заглядывая в дыру сверху, можно увидеть, как живет твое стойбище. Через этот проход можно взобраться в верхний мир по радуге и солнечному лучу, а шаманы пролетают через небесную дыру на орле или громовой птице. Души героев, погибших в бою или принявших добровольную смерть, попадают в мир «верхнего народа» с дымом погребального костра; оттуда же в средний мир возвращаются души для возрождения в младенцах. В зените находится обитель *Тэнантомгын* (Творца), некогда сотворившего жизнь и вселенную, а ныне по мере надобности посылающего на землю содержащихся у него «в ящиках» моржей, тюленей, белух, лисиц, соболей, белок, зайцев, диких оленей, волков (Богораз 1939: 21, 23, 40; Вдовин 1976: 228, 230, 234).

В чукотских картинах (картах) неба Полярная звезда помещается непременно посередине (рис. 6). На рисунке от нее расходятся пути в стороны Рассвета (слева внизу), Вечера (справа вверху) и Мрака (справа внизу). Дух Рассвета в одной руке держит корыто, в котором ему принесена жертва, в другой — лисицу, которую он отдает взамен на жертву; с одной стороны к нему подходит собака, принесенная человеком в жертву, с другой — лисица, идущая в ритуальный обмен на собаку. Дух Вечера справляет со своей семьей праздник морского бога; на их головы надеты обрядовые повязки; в центре сцены — обрядовый жезл. Мрак изображен в облике человека, выходящего из ветвистого дерева. На звездном небе различимы Солнце и Луна (друг напротив друга), созвездия Ориона и Плеяд, Млечный Путь; в левом верхнем углу — Венера (Богораз 1939: 25–26).

На рисунке Вселенной (рис. 7) центральный «кол» — Полярная звезда. Вокруг нее тремя концентрическими кругами расходятся три мира. Слева от *Унпэңэр* — Солнце, три звезды и месяц (в круге — человек, держащий аркан, рядом два пленника). Под месяцем слева — черная

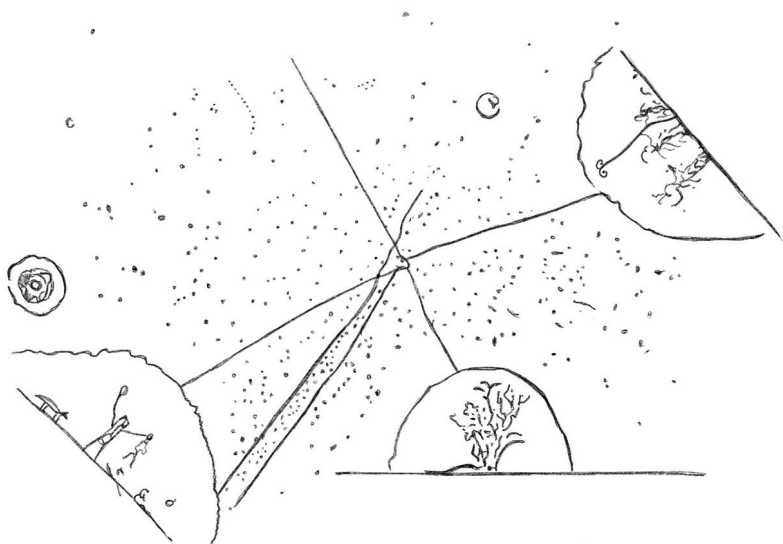

Рис. 6. Чукотский рисунок, изображающий небо и нижние миры (Богораз 1939: 26, рис. 19)

Fig. 6. A Chukotkan drawing depicting the sky and nether worlds (Bogoraz 1939: 26, fig. 19)

гора Мрака, у которой (ниже, правее) расположена землянка духов смерти *келе*, и два *келе* стоят рядом (правее) на четвереньках. Над землянкой извивается огромный червь с длинным жалом в хвосте. Над Полярной звездой в противоположной стороне (справа вверху) — низкое деревянное жилище Левостороннего Рассвета (по его сторонам привязаны два духа-убийцы). Рядом (вверху) — дом Правостороннего (Настоящего) Рассвета на столбе и помосте; по его углам привязаны четыре собаки. Во владениях Правостороннего Рассвета в маленьком домике на шесте живет Женщина Рассветной Вершины (слева вверху); за ней (в левом верхнем углу) — Венера (Богораз 1939: 26, 27).

На двух последних рисунках Полярная звезда располагается в центре мира, причем, как видно по рисунку 7, Вселенная вращается вокруг этого «гвоздя» («кола») — по крайней мере, именно вращением (или обходом рисунка) можно привести в естественное положение перевернутые вниз крышами жилища Рассветов, правда, при этом вверху оказываются обитатели нижнего мира (рис. 8). Выход из затруднения возможен при условии, что мы видим мир с высоты Полярной звезды, заглядывая в небесную дыру. Этот взгляд Творца или взобравшегося в небеса шамана — особенность той самой относительности кочевого времяпространства, о которой выше шла речь. В нашем случае сжатие времяпространства достигает предела, когда взгляд на Полярную звезду и взгляд с Полярной звезды совмещаются и смотрящий видит себя в рефракции ледяного небесного дома *Унпэңэр*.

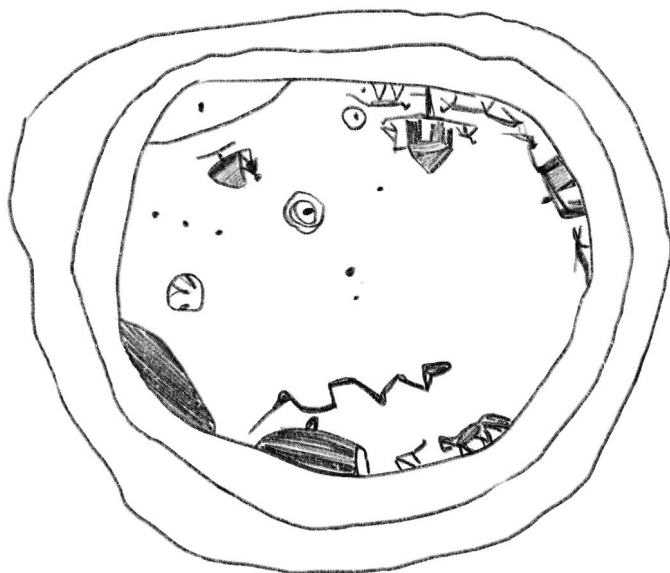

Рис. 7. Чукотский рисунок, изображающий вселенную (Богораз 1939: 27, рис. 20)

Fig. 7. A Chukotkan drawing depicting the universe (Bogoraz 1939: 27, fig. 20)

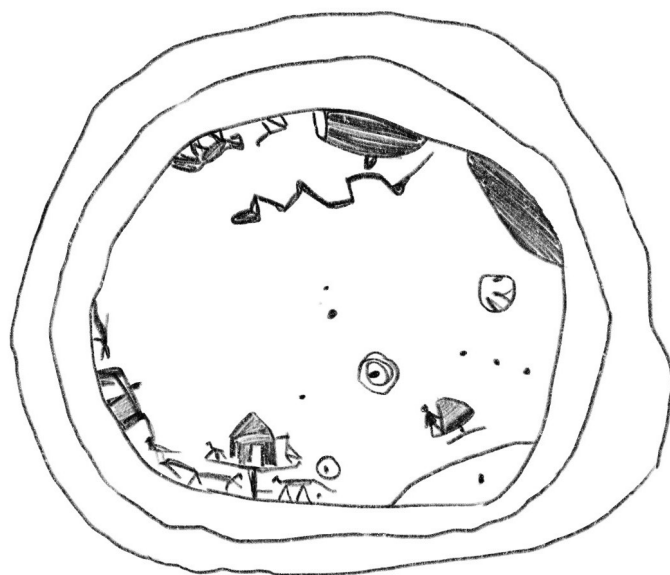

Рис. 8. Чукотская вселенная (ротация на 180°)

Fig. 8. The Chukotkan universe (180° rotation)

Согласно чукотской мифологии, Север — над головой, в обители Творца, в мире «верхнего народа», где Полярная звезда. Там средоточие жизни и смерти, связанных лучами рассвета, путями шаманов и ясновидящих. Туда собираются и оттуда возвращаются *увиритти* (души) людей, принявших достойную смерть в бою или по доброй воле (в отличие от похищаемых вредоносными *келе* душ умерших от болезней, уходящих в нижний мир и не имеющих шансов на возрождение). Переход *увиритти* в верхний мир — не смерть, а ее преодоление, поскольку за уходом следует возвращение в новорожденном. Тем самым *Унпэңэр* (Полярная звезда) оказывается гвоздем мироздания и знаком обители Творца, в которой жизнь и смерть преобразуются друг в друга.

В картине мира чукчей Север занимает место не края, а верха-купола (вершина, середина, зенит), укрепленного во вселенной звездой-гвоздем *Унпэңэр*. Располагается он не столько по горизонтали, сколько по вертикали в направлении к обители Творца и «верхнего народа». Когда человек смотрит на мир из небесной дыры, он сам оказывается Севером, или «оком Севера». Взгляд с земли на купол неба и обратный взгляд с Полярной звезды через небесную «дыру» на земную жизнь (как живет твое стойбище) можно считать зеркалом Севера в чукотской мифологии. В этом зеркале человек видит собственное отражение, и каждый северянин может сказать: «Север — это я».

Подобно чукотской, во всех мобильных арктических культурах Север оказывается не статичным измерением, а направлением пути. Тем важнее в этой динамике точная и прочная точка навигации — Полярная звезда, которая у всех народов Севера имеет сходное значение: *Хо́да хосикта* (нанайск. «Кол-звезда»), *Xotugu sulus* (якут. «Северная звезда»), *Pohjanael* (эст. «Гвоздь севера»), *Maannaela* (фин. «Гвоздь земли») и др. У народов Северного полушария распространен образ неба-шатра, удерживаемого столпом (шестом) *Polaris* (Элиаде 1987: 146–147).

СЕВЕР СВЕРХУ И СНИЗУ

Если, подобно пегтымельскому путнику, опереться на посох и поднять взгляд над горизонтом, то в центре картины окажется Полярная звезда, всегда висящая над Северным полюсом в одной и той же точке вращающегося вокруг нее неба. Чтобы разглядеть *Унпэңэр*, понадобится задрать голову в небо, поскольку на севере Чукотки Полярная звезда на 70° выше горизонта. Эта высота совпадает с широтой точки наблюдения: чем дальше на север и больше градус северной широты, тем выше в небе находится Полярная звезда, и не случайно жителей Крайнего Севера называют «людьми высоких широт».

Выбор главного ориентира предопределяет ориентацию карты — как нарисованной, так и умозрительной (ментальной) — относительно сторон

света или значимых объектов. Матрица человеческого зрения устроена так, что фокус приходится на середину «кадра», а небесный ориентир оказывается вверху над горизонтом. По этому признаку различаются «люди Солнца» и «люди Полярной звезды» (хотя в действительности существует немало вариантов их сочетания). У первых ментальная карта ориентирована на восход: само слово «ориентация», общее для европейских языков (*Orientation, Orientierung*), восходит к итальянскому *orientare*, означавшему в лексиконе моряков «найти восток [*orient*] и с его помощью определить свое местоположение» (Nissen 1906: 15). На восход обращены средневековые европейские *mappe mundi* (карты мира), иллюстрирующие мироздание по Библии. Выражение *Ex oriente lux!* (Свет с востока!) вобрало в себя сакральный смысл: в раннехристианской патристической литературе оно означало сторону света, откуда ожидается второе пришествие Христа, где находится завещанный праведникам христианский рай, куда обращены молитвы и алтари большинства христианских храмов (Подосинов 1999: 17, 21, 35). Предпочтение востока предопределило, со свойственным христианству бинаризмом, демонизацию противоположной стороны, а по совместительству и севера: вслед за иудаизмом, маркировавшим север крылатым буйволом и видевшим в нем источник ужасов и катастроф, в том числе нашествий кочевников и «народов моря» (Lauha 1943: 86–88), христианство располагало на севере страну Люцифера, сил зла и тьмы, а также варваров (чтение Библии с северной стороны алтаря означает обращение язычников в истинную веру).

Впрочем, разворот европейской ментальной карты на восток оказался эпизодом: прежде эллины и римляне, допуская многобожие, допускали гармонию сторон света, олицетворенную четырехликим или двуликим Янусом. Греки располагали на севере Гиперборею (*Υπερβorea* — «за Бореєм», «за северным ветром») — страну слугителей муз и слуг Аполлона, куда бог света и искусств летал на запряженной лебедями колеснице (в том же направлении греками была выведена колония Аполлония Понтийская). Там обитали чудища и таились сокровища, героев ожидали тяжкие испытания и славные подвиги. Скифский логос Геродота, подобно мотивам походов Геракла и Ясона, полон устрашений и искушений: как поведал «одержимый» Аполлоном (представлявший его вороном) поэт Аристей, на севере «за исседонами обитают аримаспы — одноглазые люди; за аримаспами — стерегущие золото грифы, а еще выше за ними — гипербореи на границе с морем». За лысыми агриппеями «на горах обитают... козлоногие люди, а за этими горами — другие люди, которые спят шесть месяцев в году». В северных странах «зима столь сурова, что восемь месяцев там стоит невыносимая стужа. В это время хоть лей на землю воду, грязи не будет, разве только если разведешь костер» (Геродот IV: 13–14, 25, 28). Вверху карт знаменитого александрийского астронома и географа Клавдия Птолемея был север (рис. 9).

Рис 9. Карта Клавдия Птолемея (II в. н. э.), изданная Николаем Германусом в 1482 г. (Атлас Тартарии 2006: 206–207)

Fig. 9. Map by Claudius Ptolemy (2nd century AD) published by Nicolaus Germanus in 1482. (Tartaria Atlas 2006: 206–207)

Подхватившие эту традицию римляне ориентировали храмы не только по оси восток–запад, но и север–юг. В их картине мира Север ассоциировался с холодами и варварами (*superiores barbari*). Латинское название Севера и Северного полюса *septemtrio* (ит. *settentrine*, фр. и исп. *septentrion*, порт. *septentrião*) перенесено с наименования Большой Медведицы «Повозкой» (*septemtriones*) (Подосинов 1999: 552). Отте-нок отчужденности, смешанной со страхом, в отношении к Северу коренится в глубинах южной истории и психологии, когда «полунощные страны» и северные варвары представлялись очагом дикости и опасности. К созданию пугающего образа Севера более всех причастны люди, оторванные судьбой от южного благополучия. *Regio, pars ultima mundi, quam fugere homines Dique* (Страна, окраина мира, которую покинули люди и боги) — так выразил свое отношение к Причерноморью римский поэт Публий Овидий Назон, сосланный в 8 г. н. э. императором Августом в городок Томы на фракийском Дунае (Овидий 1982). В «северной стране» вкусу римлянина было противно все: и лишенная виноградников плоская земля, и сковывающий реки холод, и грабительские нравы местных варваров. На самом деле земли в долине Дуная не уступали по плодородию апеннинским, а место изгнания Овидия находилось не на севере, а на востоке — на широте Флоренции.

Рис. 10. *Mappa mundi* из Вестминстерской Псалтири. В ее центре — Иерусалим, вверху — восток и рай с ликами Адама и Евы (Атлас Тартарии 2006: 85)

Fig. 10. *Mappa mundi* in the Westminster Psalter. Jerusalem is in the center, the east and paradise with face images of Adam and Eve placed at the top (Tartaria Atlas 2006: 85)

Эпоха распространения христианства повернула картину мира и картографию лицом на восток: иллюстрирующие Библию *maprae mundi* больше походят на умозрительные схемы, чем на собственно карты. В них выразителен даже не восток, а лик святителя или знак рая в центре и вверху (рис. 10). Вероятно, *maprae mundi* точнее называть центрированными идеограммами, чем картами. По абрису они больше напоминают план храма, чем карту Земли.

После упадка картографии в раннем Средневековье, когда моделью мира служила библейская схема, с изобретением магнитного компаса в конце XIII в. и его привязкой к Полярной звезде ориентация европейских карт вернулась к традиции Птолемея — взгляд на север совместился со взглядом в небо, и север вновь занял место вверху в центре.

В Китае при всей его верности традициям также обнаруживаются колебания в ориентации карт(ин) мира. Если карты династии Цинь ориентированы на север, то карты Хань — на юг. При этом север в китайской мифологии — сторона Инь, источник агрессии и страха, зла и хаоса, холода и голода. Символом севера выступает Черная Черепаха; там, на краю мира, находится столица мрака и подземного мира Юду (в «Хуайнань-цзы» Юду — обозначение северного края обитаемой земли); врата, ведущие в Юду, располагались на северо-западе в горе Бучжоушань. Эта отгороженная Великой стеной сторона — царство кочевников. Недобродетельные кочевники — *инь* (силы Тьмы). В китайской астрологической системе им отведена планета Меркурий (*чэнь-син*), которая ассоциировалась с севером, зимой и войной (Сыма Цянь 1975: 284, прим. 132; Кроль 1973: 13–27).

Арабская картография опиралась на античные и христианские географические схемы, имея собственную мировоззренческую доминанту — Каабу и киблу (пророк Мухаммед назвал центром вселенной Мекку, а прежде киблой была гора Мориа в Иерусалиме) — и ограничивая изображаемую ойкумену странами ислама (*умма исламия*). В практиках вычисления киблы в разных местах возникли понятия «зенит», «надир», «азимут», перешедшие затем в европейские языки (Gordon 1971: 214). Ранние арабские картографы помещали киблу в центр карты, юг — вверху, а север — внизу (рис. 11). На этом фоне Полярная звезда (ал-Джудай) занимала место одного из ориентиров в астрологической географии арабов.

Символика верха и низа применительно к северу причудливо переворачивается в близких по происхождению и расположению культурах Индии и Ирана. Для зороастрийского Ирана север — страна зла и тьмы, где властвует Ахриман; для индуистской Индии — источник света и буйного ветра, ассоциирующегося с мужской силой. Соответственно, у персов южные божества асуры воплощают добро, а северные дэвы — зло, тогда как у индусов наоборот. Согласно Авесте, Зороастр

Рис. 11. Реконструкция карты арабского географа Аль-Идриси (1154) из атласа «ал-Китаб ар-Руджжари» (*Tabula Rogeriana*). В центре — кибла,верху — юг (Атлас Тартарии 2006: 88–89)

Fig. 11. Reconstruction of the map by the Arab geographer al-Idrisi (1154) from the *Tabula Rogeriana*. Qibla is placed in the center, the south is at the top (Tartaria Atlas 2006: 88–89)

обрел божественную мудрость у Ахура-Мазды на юге, и до сих пор зороастрийцы обращают свои молитвы на юг, а на севере расположен ад, где стережет души умерших демон смерти в облике трупной мухи (Авеста 1997: 120; Подосинов 1999: 144). Согласно Махабхарате и Рамаяне, на юге лежит царство мертвых, где властвует Яма и жертвы предкам приносят, обратившись лицом к югу; зато на севере высится гора богов Меру, находится рай и «путь к богам»; в буддизме север соотносится с осью мира, горой Сумеру и «землей блаженных» (Kirfel 1959: 21–25). Однако представленная картина неоднозначна: у индийцев Яма — бог не только смерти, но и справедливости, и в некоторых гимнах Ригведы видна его связь с Солнцем; в то же время у иранцев *Мех-и мийан асман* («Гвоздь неба») — Полярная звезда — считалась командующей над всеми другими звездами.

Двойственность, если не сказать — амбивалентность, севера и юга в культурах Северного полушария связана со многими обстоятельствами, включая расположение гор (обычно соотносимых с верхним миром) и течение рек (низовья которых часто ассоциируются с нижним миром), характер ветров, угрозы от соседей, особенно воинственных кочевников. Однако даже в самых дуалистичных религиях, вроде христианства и зороастризма, обнаруживается не бескомпромиссное деление мира на добро и зло, свет и тьму, а баланс мотивов и противовесов, дополняющих друг друга свойств и характеристик. Категоричный бинаризм присущ скорее науке с ее стремлением к статичным схемам, тогда как реальности свойственны динамика значений, игра смыслов, ротация состояний, где «условное зло» играет такую же экзистенциальную роль, как ночь, зима и смерть в круговороте жизни. Для понимания символики севера правильнее отказаться от черно-белой оценочности и настроиться на сложные

спектры и тонкие оттенки. В сочетании полутонов и превращений состоит, если угодно, драматургия Севера с его самобытными, подчас жесткими и неоднозначными, ценностями и установками.

Ограничусь лишь несколькими примерами «драматургии Севера», начав, вернее продолжив, тему христианской картографии. При обращенности к югу (востоку) и неприязни к северу христианское мировосприятие демонстрирует завидную гибкость и адаптивность. Например, после Реформации в XVI в. Север в Европе стал ассоциироваться с протестантизмом и представляться противовесом католицизму Юга (Нильсен 2017: 25). В Америке белые колонизаторы, не чуждые религиозного пиетета, часто ориентировали карты по оси восток–запад — по ходу освоения новых земель и продвижения «фронта». Русские северяне опасливо относились к югу (не в последнюю очередь из-за угроз со стороны «басурман» и московских «собирателей земель») и видели север пространством свободы и духовного очищения. Как заметил Н. М. Теребихин, северным русским мореходам, начиная с новгородцев, виделись в полуночных странах и среди «Дышущего моря» адские пучины и райские острова; отсутствие пространственного разграничения рая и ада отразилось у поморов их единым обозначением *ирий* или *вырий* (Теребихин 2020: 15, 110).

Соловецкий монастырь, особенно после разгрома Новгорода Иваном IV и массового исхода новгородцев, стал северорусским сакральным центром, и вскоре поморский пантеон дополнили местные чудотворцы — Артемий Веркольский, Иона и Вассиан Пертоминские, Иоанн и Логгин Яренгские, Варлаам Керетский. Образы пертоминских, яренгских и пинежского (Варлаама) святых связаны с сюжетами морской бури, грозы, и поклонение им полно магии: например, спасая утопающих, один из соловецких угодников превращается в орла (Бернштам 1983: 195, 200–201). При этом Мурманский берег (север Кольского полуострова) считался «колдовской землей», не освященной православной церковью (Нильсен 2017: 105).

Подобной многоликостью наделен север и в староскандинавской традиции. С одной стороны, *Nord* — низ, сторона мрака и смерти, где находится царство мертвых Хель (по имени великанши, правительницы этого царства); согласно Эдде, «дорога в Хель идет вниз и к северу», состоит из девяти миров, и следуют туда «дурные люди» — умершие от болезни или от старости; «на берегах мертвых есть чертог огромный и ужасный, дверью на север» (Видение Гюльви; Младшая Эдда 2006: 15, 31, 50, 54). Кстати, христианство поддержало эту традицию: ранние скандинавские церкви держали северные врата закрытыми, чтобы избежать «зла, которое проистекает от севера» (Kretzenbacher 1987: 321). Поскольку север у скандинавов был сдвинут на восток¹, к нему относилась и «Земля гиган-

¹ О заметном сдвиге севера к востоку в староскандинавской картине мира свидетельствует, например, «Описание Земли II», где говорится, что к северу от Русаланд (Руси) расположена Тартарарики (земля татар), а «к северу от Норвегии находится Финнмарк» (Мельникова 1986: 89).

тов» Ётунхейм (Jötunheimr) с Утгардом. *Nord* полон призраков и теней, фантастических существ, драконов и огромных змей, великанов-ётунов и троллей, враждующих с богами (Глазырина 1996: 30). Северный путь (или северо-восточный — в Бьярмию) окутан тайнами и мистикой, там начинаются земли, населенные колдунами-финнами, а берега омывает море, называемое *Gandvik* — «Колдовской залив», от *gandr* (колдовство) и *vík* (залив) (Тиандер 1906: 76).

Однако все эти опасности и тайны не отталкивали, а скорее искушали викингов. Королевские саги подчеркивают героический характер походов в Бьярмию. Халогаландец Оттар счел свой вояж в Бьярмию достойным рассказа англосаксонскому королю Альфреду Великому, а Альфред — уместным включение его подробного изложения в перевод сочинения Орозия; рейдами в Бьярмию прославили себя конунги Норвегии Эйрик Кровавая Секира, Харальд Серая Шкура, Хакон Магнуссон (Воспитанник Торира). С колдовского севера происходила и училась ведовству у финнов знаменитая «мать конунгов» Гуннхильд; колдовские северные доспехи из оленьих шкур хранили от ран Торира Хунда — героя саги об Олаве Святом (Стурлусон 1980: 59, 343).

По существу, *Nord* — не только географическое направление, но и вся страна викингов, вся Северная Европа. Название *Nórvegr* (Норвегия) буквально означает «Северный путь». Северное самосознание сложилось у жителей Скандинавии, по меньшей мере, с готских времен; во всяком случае, на юге Европы в период Великого переселения народов их называли *superiores barbari* (северными, или верхними, варварами) — тем самым обозначая север как верх (рис. 12). *Скандза* (Скандинавия) в то время прославилась тем, что порождала волны воинственных северных варваров и заслужила звания «фабрики племен» (*officina gentium*) или «утробы народов» (*vagina nationum*). В 1555 г. был опубликован труд Олауса (Олафа) Магнуса «История северных народов», представивший готов мужественными высокорослыми людьми и непобедимыми воинами (Нильсен 2017: 24–25). Так складывалась европейская северность в лице детей Скандзы, создавших или захвативших королевства по всей Европе и Средиземноморью. У скандинавов были свои представления о Хеле и Утгарде, но самым ярким олицетворением Севера стали они сами. Наконец, собственным и нарицательным для скандинавов являлось название *Norðmaðr* (Nortmann, Normannus, Norðmannum, Norseman, мурман) — «человек севера», «северянин».

Столь же многолик север (*Pohja*) в карело-финской традиции, где противопоставлены холодная темная страна *Pohjola* и теплая светлая страна *Kalevala*. Однако эта оппозиция не отталкивает, а притягивает: все главные герои эпоса — Вяйнямейнен, Ильмаринен, Лемминкяйнен — отправляются в Похьёлу в поисках любви и чудес, а хозяйка Похьёлы, старуха Лоухи, в компании с обворожительными дочерьми

Рис. 12. Скандия на морской карте (Carta Marina) Олауса Магнуса, 1539 г. (Савельева 1983)

Fig. 12. Scandia in the *Carta Marina* by Olaus Magnus, 1539 (Savelieva 1983)

предстает повелительницей жизненного, а не потустороннего мира. Она гостеприимно встречает и с дарами провожает странников, устраивает пиры и состязания, предлагает искателям руки ее дочери подвиги-испытания, в том числе укрощение огнедышащего коня Хийси, поимку медведя Туони, запашку змеиноного поля, изготовление чудо-мельницы Сампо. Лоухи владеет и магией: обращается в птицу, похищает солнце и луну, насыляет леденящий холод, туман, бурю, ужасные болезни и т. д. (Калевала 1956). Суровая Похьёла, а не идиллическая Калевала оказывается главной сценой эпоса. Собиратель «Калевалы» Элиас Лённрот представлял Похьёлу реальной областью к северу от страны финнов и соотносил ее с Лапландией, чему противоречит эпизод одной из рун, где звучит наставление матери Вяйнямейнена, что искать невесту нужно не в Лапландии, а в Похьёле. В других случаях с Похьёлой соотносятся *Luotela* (северо-западный край), *Pimentola* (область тьмы), *Sariola* (край болот и осоки), *Untamola* (край сна) (Pentikäinen 1989: 170). В том же северном направлении находится *Tuonela* (преисподняя), или *Manala* (подземелье), где обитают души умерших и не светит солнце. Историзируя «Калевалу», Лённрот предполагал, что некогда Похьёла властвовала над Калевалой (страной финнов) и брала с нее дань, но подвиги Вяйнямейнена, Ильмаринена и Лемминкяйнена принесли финнам свободу. Даже

бегло перечисленные, эти характеристики показывают богатую персонажами и красками картину Севера в многообразии перекличек с «южной» страной Калевалой, которая на самом деле тоже принадлежит северу, представляя собой, с позволения сказать, «юг севера».

Ненцы, как пристало исконным жителям Арктики², выработали не менее эпичную и еще более динамичную картину кочевого времяпрепровождения, полную драматургии и действия. В ненецкой мифологии Полярная звезда — *Нэрм нумгы* (Севера звезда) — тоже опора небосвода, хотя и не столь явно центрирующая купол неба, как в мифологии чукчей или северных тюрков. Ненецкое небо скорее бинарно, чем центрично; оно разделено на северное небо и южное небо, которыми правят боги *Нэрм-сей* (Сердце Севера) и *Иба-сей* (Сердце Юга). В отличие от других вечно ездящих и летающих персонажей ненецкого пантеона, *Нэрм-сей* будто прикован к ледяному хребту посреди ледовитого моря или северного неба. В сказании «Вадеси Салоку» он семь дней не отзывается на приветствие героя-пришельца (своей статикой бог Севера явно обязан Полярной звезде). *Нэрм-сей* предстает то седовласым великаном, то огромным белым оленем, дыхание которого зимой становится северным сиянием, а летом поднимается над морем в виде дождевых туч. Его рот огромен, а щели между зубами — будто пропасти с крутыми берегами. Если в зимнее время бог Севера спокоен, то на земле царит холод, если начинает двигаться, то становится теплее. Когда он отряхивает спину, идет снег, когда делает выдох, из его пасти несется морозный ветер. Снежные вихри поднимает взмахами своих железных крыльев и могучая птица Минлей, живущая в безлюдной стране *Нэрм-сей*. Бог Севера не покидает своего ледяного хребта, зато его сын бесконечно кочует и лишь изредка навещает отца. Он ездит на упряжках мамонтов или белых медведей, обитает на конце ледяной земли и кочует на ветрах-облаках.

Богу Севера противостоит бог Юга *Иба-сей* (Сердце Юга), живущий на теплой стороне неба, которая состоит из семи небесных земель (*си'ив хэхэ мя*). В этих землях кочуют семь разноцветных громов (Серый, Красный, Пестрый, Грохочущий, Белый, Главный), а в центре южного неба стоит чум самого *Иба-сей*. Со свитой громов он ездит по небу, время от времени пересекая границу северного неба, где властвует *Нэрм-сей*. Между богами Юга и Севера происходят битвы, вызывающие грозы и бури на земле. Бои идут с переменным успехом — то сын бога Севера надвигается на земли Юга, то воинство Юга подступает к ледяному хребту Севера с намерением растопить его. Однако противоборству не суждено завершиться чьей-либо окончательной победой; оно лишь прерывается временным миром, знаменуемым женитьбой сына Севера на

² Научные мифы об их недавнем южном алтае-саянском происхождении явно преувеличены (см.: Головнёв 2004).

дочери Юга (сказание «Семь Ярков»). По записям В. И. Васильева у енисейских ненцев, бог Севера желает женить своего сына на дочери бога Юга, но всякий раз сватовство оканчивается разладом, поскольку жених не может переносить жары, а невеста — холода. Тем не менее поездки сватов продолжаются, и грохот железных полозьев их нарт отзывается на земле громом (Vasiljev 1978: 433–434). В середине «небесной трубы» (*нуб пуд*) раскачиваются семь железных колыбелей; северный ветер наклоняет их к стране бога Юга, южный — к стране бога Севера. Бог Севера считается сильнее бога Юга. Даже когда южное воинство разноцветных громов врывается во владения Севера и пускает свои стрелы-молнии, бог Севера просто погружается в воду (как это делают при жаре олени и лоси), и молнии застывают в ледяном море (Лехтисало 1998: 12, 16, 22). *Иба-сей* владеет небесным огнем, который несет в себе немало угроз (ненцы с предубеждением относятся к грому и молнии). Летом приносимое *Иба-сей* тепло может обернуться изнурительной жарой, а зимой — коварным «дождем на снег», образующим губительный для оленей ледяной наст.

Еще один мифологический сценарий связи между севером и югом исполняют боги с почти созвучными именами — *Ямал* и *Явмал*. Иногда их даже путают (и в этом состоит контрапункт мифологической игры), поскольку они олицетворяют два полюса ненецкой ойкумены, два «края земли»: северную *Ямал-хада* (Края земли старуха) и южный *Явмал-хэсе* (Истоков вод дух).

Ямал-хада обитает на главном и самом северном святилище Ямала — *Си'ив Мя* (Семь Чумов), где живут семь богов ненецкого пантеона, куда принято приносить жертвы от людей и доставлять отслужившие свой срок священные предметы (шесты сымзы, культовые скульптуры, нарги, шаманские бубны). По легенде, первой жертвой-воплощением богини стала женщина-олениха, которую на месте святилища, по одной версии, застрелил преследователь-муж, по другой — принесли в жертву шаманы, по третьей — околдовал бог Севера (*Нгэрм-сей*), превратив в Белую Важенку. Богиня *Ямал-хада* в образе Белой Оленухи считается покровительницей всех матерей Ямала; священные пояски «от Старухи края земли» повязаны на изображениях всех *мяд-пыхуця* (дух 'хозяйки чума'). «Пояс Старухи» должен быть в каждом чуме, и на ее святилище должны быть жертвы со всех чумов. Тем самым северная Ямал-хада оплачивает ритуалами все пространство кочевий.

Явмал-хэсе, напротив, обитает у кромки южного моря (истоков вод) и объезжает весь мир на белом (белолобом, огненном) коне или упряжке белолобых оленей. По его воле с юга несутся вешние воды и приходит летнее тепло. У верхнего моря стоит *нярава хард* (медный дом), из окна которого *Явмал* наблюдает за миром. Он, подобно угорскому (южному) *Мир-сусне-хуму*, вездесущ, его путь лежит от моря до моря — от теплых вод к северным льдам, где он спасает унесенных в море

зверобоев. Сын бога неба *Нума* и богини земли *Я-Миня*, он оказывается в гуще земных событий, рождений и смертей людей. *Явмал* посещает подземелье, где обитают сихиртя и пасутся ‘земляные олени’ — мамонты. В цикле мифологического времени «смотрящий за миром» ответствен за два пика — крайнего упадка и крайнего напряжения природы (зимнего и летнего солнцестояния): в зимней тьме, когда *Нга* крадет свет (Солнце и Луну), *Явмал* советует своему отцу *Нуму* вернуть светила из подземелья; в разгар лета, когда половодье превращается в потоп или тепло становится губительной жарой, ненцы приносят жертвы *Явмалу* и бьют по воде саблями, призывая бога умерить зной. *Явмал* носит саблю и доспехи (иногда мундир). Он покровительствует шаманам и воинам, выступает посредником в отношениях ненцев с хантами и русскими (иногда его прямо называют ненецко-хантыйско-русским богом). Всадник *Явмал* — мифологический двойник угорского «смотрящего-за-миром» *Мир-сусне-хума* и слепок остяцкого (хантыйского) князя Тайшина, правившего западносибирской тундрой под эгидой русского царя. Выдвижение *Явмала* на вершину пантеона может быть напрямую связано с утверждением колониальной власти среди непокорных самоедов в лице князей Тайшиных — судя по имени и ряду других косвенных признаков, начиная с дорусской, ханско-ордынской эпохи (Головнёв 2012).

В мифах и ритуалах Север обладает высоким духовным статусом, и главные святилища кочевников расположены на кромке тундры (*Си'ив Мя*) и на арктических островах (Вайгач, Белый); ненцы ревностно следят, чтобы вблизи святилищ не топтались люди, поскольку боги якобы любят чистоту и тишину. С высоты Белого острова бог *Сэр-ңо Ирико*, как с неба, видит все, что происходит в ямальской тундре. По убеждению кочевников, Север чище, чем Юг; там меньше комаров и слякоти, больше простора и ветров; там «оленоводческий рай», где идет нагул и отел оленей (Головнёв 2014: 149). Кочевники чувствуют себя уютно в северной тундре и стесненно в тайге, а относительно разделения зон влияния отмечают: власть русских идет с Юга, а власть ненцев — с Севера. Северная тундра считается «верхней» (*тю'уй*), южная (вместе с лесотундрой) — «нижней» (*таси*); на севере кочуют многооленные оленеводы — *тю'уй ненэця* (верхние люди), а в нижеобской и тазовской южной тундре — *тасиняңы* (низовые).

Насыщенная и динамичная картина мироустройства ненцев представляет Север землей богов, причем именно высоких божеств, а не чудищ и демонов. Эта картина служит благоприятным фоном для самоопределения северян, позиционирования культурного достояния Севера с его мифами и богами, рисками и драмами, жертвами и ценностями.

ВЗГЛЯД ИЗ АРКТИКИ

Полярники говорят, что в Арктике хорошо видно человека. Добавлю: из Арктики хорошо видно человечество. Мой добрый знакомый из Центра северных исследований США Стивен Янг написал книгу «В Арктику: Введение в мир Дальнего Севера» (Young 1989). Я бы хотел представить обратную картину: взгляд на мир, прежде всего на Россию, из Арктики. Во многом подобный ракурс стал возможен недавно, когда североведение достигло уровня, позволяющего рассматривать не только Север, но и планету с Севера.

Если смотреть на Землю с Полярной звезды, то центром планеты окажется Арктика. Правда, в центре самой Арктики — на Северном полюсе — нет земли, и понятие «Арктика» исходит не от земли, а от неба: древние греки, как и мы, находили Полярную звезду (и соответственно север) по созвездию Большой Медведицы (*арктос*), откуда и произошло название *ἀρκτικός* (букв. «у медведицы» или «под медведицей»).

Картограф Герард Меркатор первым повернул глобус так, чтобы Северный полюс оказался в центре карты. Он сделал это при составлении атласа, включавшего разные ракурсы планеты (Меркатору принадлежит авторство не только, знаменитой проекции, носящей его имя, но и идеи атласа как собрания карт). Картограф заметил, что на общей карте Земли полярная область искажена, а между тем именно на Северном полюсе находится магнит, притягивающий к себе стрелки компасов по всему миру. Меркатор изобразил этот гигантский магнит в виде высокой черной скалы — *Rupes Nigra et Altissima* (рис. 13). На его карте магнитный пик окружен четырьмя островами и реками, которые своими течениями создают гигантский арктический водоворот, вращающий ледовые поля и айсберги. На одном из островов живут мифические северные пигмеи, а Америка отделена от Азии Анианским проливом, который упоминал Марко Поло.

Меркатор не путешествовал по северным морям, но составленная им карта сыграла роль магнита для путешественников, искавших в Арктике мифические острова, высокую черную скалу, северных пигмеев. Одним из них был Виллем Баренц, трагически погибший в Арктике, но оставивший свое имя одному из северных морей и избавивший Арктику от немалого числа мифов. Карта, составленная по его наблюдениям, содержит значительно больше точных данных, особенно в пределах навигации Баренца вокруг Скандинавии до Шпицбергена и Новой Земли (рис. 14).

С тех пор Арктика остается едва ли не самой загадочной областью планеты, где самоотверженные изыскатели преодолевают нечеловеческие трудности и совершают впечатляющие открытия. Однако образ суровой и легендарной Арктики имеет и другую проекцию — с точки зрения коренных обитателей тундр — уютного и благополучного домашнего

Рис. 13. *Septentrionalium Terrarum descriptio* (Описание Северных земель) Герарда Меркатора, 1595 г. (Атлас Тартарии 2006: 218)

Fig. 13. *Septentrionalium terrarum descriptio* (A Description of the Northern Lands) by Gerardus Mercator, 1595 (Tartaria Atlas 2006: 218)

пространства, круга арктических культур, особого «мира под Медведицей». Ледовитый океан в этой проекции оказывается «Арктическим Средиземноморьем», связывающим народы нескольких языковых семей. Интригующую гипотезу единой циркумполярной культуры выдвинули в прошлом веке антропогеографы, обозначив на карте планеты «арктический культурный круг» (Gräebner 1911). Эта гипотеза испытала шторм критики и полемики: одни настаивали на единстве циркумполярной культуры (Симченко 1976: 40), другие — на ее дискретности и фрагментарности (Хлобыстин 1998). Сегодня очевидно, что циркумполярный мир был не монолитной культурой, а цепью культур, связанных друг с другом «горячими контактами», включая торговлю, перекрестки кочевых путей и брачные узы.

Мне неоднократно приходилось говорить и писать о том, что коренных жителей Арктики правильнее определять не «малыми народами», а «культурами больших пространств», поскольку они владеют искусством высокой мобильности и власти над пространством (Головнёв 2012: 8). Карта языковых семей показывает широту расселения народов Арктики

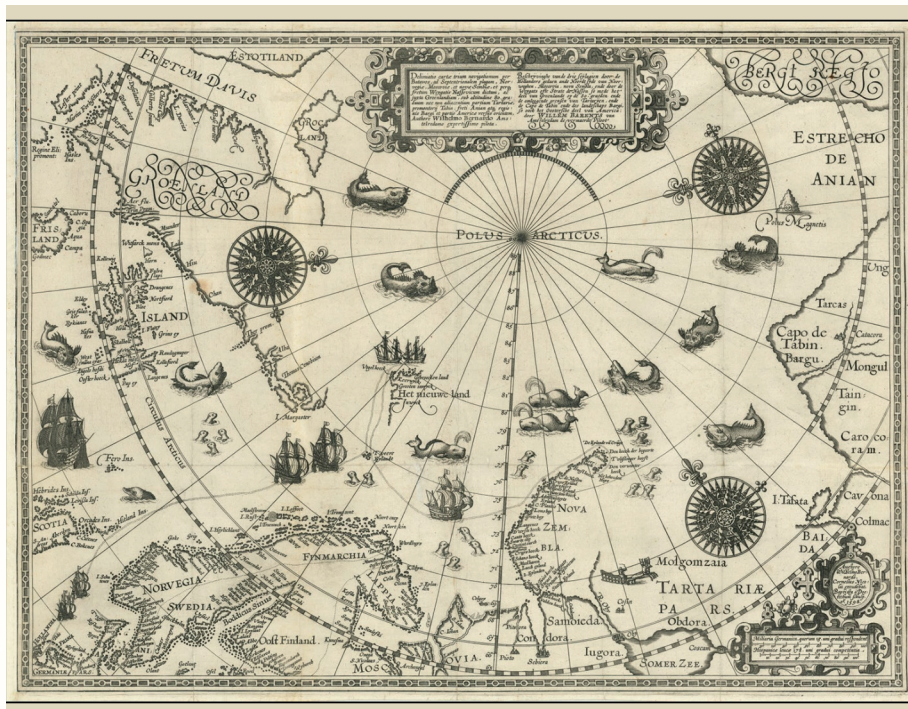

Рис. 14. Карта, составленная по сведениям В. Баренца (1598). Источник: <https://www.raremaps.com/gallery/detail/62203/delinatio-cartae-trium-navigationum-per-batavos-ad-septent-barentsz>

Fig. 14. Map created according to the accounts of Willem Barentsz (1598)

(рис. 15), а исторически размах миграций викингов, русских поморов, эскимосов, ненцев, эвенков, якутов сопоставим с масштабами степных кочевых империй. По культуре мобильности и адаптивности коренные жители Арктики имеют немного конкурентов на планете и действительно образуют обширную циркумполярную сеть культур.

Сегодня циркумполярное сообщество представлено «Арктической восьмеркой». В отличие от других политических конструкторов (например, «Большой восьмерки/семерки»), она образована строго по географическому принципу вокруг Ледовитого океана (рис. 16). Создание этого панарктического межгосударственного альянса стало возможным после крушения «железного занавеса»: в 1991 г. была принята Стратегия защиты окружающей среды Арктики (СЗОСА), а в 1996 г. из нее вырос Арктический совет.

Как отметили американские авторы Гейл Ошеренко и Оран Янг, полярная проекция явственно показывает, насколько «Соединенные Штаты, Канада и Советский Союз — близкие соседи в геополитическом смысле» (Osherenko, Young 1989: 226). Впрочем, в годы холодной

Рис. 16. «Арктическая восьмерка»

Fig. 16. "The Arctic Eight"

войны «арктическая проекция мира» служила не столько для призыва к добрососедству, сколько для демонстрации близости врага: она показывала, насколько реальна угроза поражения друг друга ракетными ударами (Dodds 2007: 119).

Проекция из Арктики примечательна и тем, что она скругляет или обтекает антитезу «Запад–Восток»: взгляд с Севера объединяет полярным кругом страны «Арктического Средиземноморья». На такой карте Россия не делится пополам границей между Европой и Азией, а выглядит целостной страной Севера.

На склоне лет Д. И. Менделеев взялся систематизировать знания о России на основе данных Всероссийской переписи населения 1897 г., написал очерк «К познанию России» и вместе с сыном Иваном (студентом математического факультета Санкт-Петербургского университета) составил карту империи (рис. 17). Главной сложностью в картографии оказался выбор центра: Менделеев считал «настоятельной надобностью» составление «возможно точной и наглядной общей карты России, так как

Рис. 17. Россия в проекции Д. И. Менделеева

Fig. 17. Russia in the projection of Dmitry I. Mendeleev

обыкновенно Европейскую Россию изображают отдельно от Азиатской России, а когда дают карту всей империи, то в центр ее попадают полупустынные азиатские степи, а истинно русский центр является чем-то побочным». Когда Россию изображают целиком (чаще всего в проекции Гаусса), «Новгородско-Московская или Царская Россия, составляющая родоначалие всей империи и содержащая в себе центр ее населения, является каким-то придатком, находящимся сбоку, так что получается общее впечатление о России как стране по преимуществу Азиатской»

(Менделеев 1906: 3, 106, 110). В географии Менделеева у России обнаруживаются три узла:

(1) центр населенности России находится в Тамбовской губернии, на северо-востоке от Козлова и на запад от Моршанска ($53^{\circ}20'$ с. ш., $10^{\circ}23'$ в. д.);

(2) центр поверхности России (считая 97 губерний, 816 уездов, включая Финляндию) располагается в близости от Северного полярного круга между Обью и Енисеем, немного южнее Туруханска ($63^{\circ}23'$ с. ш. и 53° в. д.);

(3) центр государства — Санкт-Петербург — занимает в предложенной проекции зрительно доминирующее положение (Менделеев 1906: 108–111). В действительности центром России на карте Менделеева выглядит его родной город Тобольск.

В комментариях по поводу оказавшегося на Полярном круге «центра поверхности России» Менделеев назвал вещи своими именами:

У России так много берегов Ледовитого океана, что нашу страну справедливо считают лежащею на берегу этого океана.

Столь северное положение центра поверхности России определяется тем, что у нас чересчур много берегов Ледовитого океана (Менделеев 1906: 107).

Из этого наблюдения проистекают перспективы:

...наш север обречен на долгое время оставаться почти пустынным, т. е. иметь лишь редкое население, потому что мало пригоден для русского народа, обывшего начинать поселки с обработки земли под хлеб. Только развитие на русском севере выработки минеральных богатств может изменить такое течение дел в ближайшую к нам эпоху (Менделеев 1906: 108).

...в нашем морском деле — для его успешного и верного движения вперед — лучше всего на один из первых планов поставить завоевание Ледовитого океана.

...основной смысл военных сил, конечно, состоит в ограждении от врагов внешних, которые нам-то грозят со всех сторон, исключая разве Ледовитого океана, составляющего наш базис защиты. Уже по этому одному Ледовитый океан должен обратить на себя русское внимание (Менделеев 1906: 9, 52, 108).

Названные Менделеевым «три кита» — ресурсы недр, морской ход и пояс обороны — легли в основу геополитических и экономических

стратегий освоения Севера России в XX в. После распада СССР пространственный центр России по-прежнему располагался на Полярном круге в низовьях Енисея, а северное измерение играет ныне все более заметную роль в российских стратегиях.

Впрочем, речь идет не столько о геополитике, сколько о цивилизационном основании России. Ее северность обусловлена исторически (начиная с ключевой роли ладожско-новгородского Севера в древности), геоэкономически (с учетом ресурсов недр) и геополитически (ввиду пространственного превосходства России в высоких широтах Евразии и в «Арктическом Средиземноморье»). Однако самая пространственно северная страна планеты — Россия — никогда в истории — ни в самоопределении, ни в международной позиции — не основывала свою идеологию на северном статусе. В отличие от стран Скандинавии, самосознание которых начинается с понятия «север» (Norden, Nordisk, Norðurlandaráð), геопозиция России размыта по всем сторонам света. Западное ее измерение обозначено культурным влиянием Европы, восточное — кочевыми империями Азии, южное — религиозными центрами Ближнего Востока, и лишь северное — собственным потенциалом. Если в трех первых измерениях Россия выглядит периферией ярких культур Запада, Востока и Юга, то в северном — самобытной и самодостаточной. Правда, эта самобытность настолько привычна, что неприметна (Головнёв 2004).

В последние годы обозначилась глобальная геополитическая ось Север–Юг, на которой Россия предстает не буфером, как в тупиковой антитезе «Запад–Восток», а основной страной Севера. Рубеж между глобальным Севером (развитыми странами) и глобальным Югом

Рис. 18. Линия Брандта: глобальный Север и глобальный Юг, начало XXI в.

Fig. 18. The Brandt Line: the Global North and Global South, early 21st century

(развивающимися странами) проходит по так называемой «линии Брандта» (около 30° с. ш.; рис. 18), намеченной в 1980 г. канцлером ФРГ Вилли Брандтом в докладе «Север–Юг: программа выживания» (Solarz 2000). В начале XXI в. богатый Север насчитывал 1/4 населения и контролировал 4/5 мирового дохода; бедный Юг с 3/4 населения мира располагал лишь 1/5 мирового дохода. Север представлен независимыми демократическими странами, тогда как бедный Юг несет на себе бремя недавнего колониализма. В картографии Север доминирует над Югом хотя бы потому, что располагается сверху (не случайно в странах Южного полушария — Австралии, Новой Зеландии — популярны «перевернутые» карты).

Это геополитическое деление условно и изменчиво. Как Север, так и Юг явно не монолитны: географически южная Австралия оказывается в списке Севера, туда же за последние годы сдвинулся Китай. По словам Анны Малер, «на географическом Севере есть экономические Юга, а на географическом Юге — экономические Севера» (Mahler 2017). Кроме того, грань между Севером и Югом размывается глобализацией; однако примечательно, что на карте цифровизации планеты вновь проступает линия Брандта. В какой-то мере концепция глобального Севера и Юга заместила собой конструкт 1-го, 2-го, 3-го и других миров, хотя Томас Эриксен (Eriksen 2015) задается вопросом, что нового привносит эта упрощенная дихотомия, если в каждом городе и каждой стране есть богатые и бедные, благополучные и бедствующие. Для России эта конфигурация удобна не потому, что причисляет ее к категории «верхних» стран, а потому, что обозначает то, чем на самом деле Россия является, — Север. В данном случае карты не лгут.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Авеста в русских переводах (1861–1996). СПб.: Нева, 1997. 480 с.
- Атлас Тартарии. Евразия на старинных картах. Казань; М.: Феория, 2006. 480 с.
- Бернштам Т. А. Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX в. Л.: Наука, 1983. 233 с.
- Богораз В. Г. Чукотские рисунки // Сборник в честь семидесятилетия профессора Д. Н. Анучина. М.: Изд. Имп. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском ун-те., 1913. С. 397–419.
- Богораз-Тан В. Г. Чукчи. Ч. 2: Религия. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. 196 с.
- Вдовин И. С. Природа и человек в религиозных представлениях чукчей // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX в.). Л.: Наука, 1976. С. 217–253.
- Геродот. История. М.: Ладомир, 2002. 740 с.
- Глазырина Г. В. Исландские викингские саги о Северной Руси. М.: Ладомир, 1996. 240 с.

Головнёв А. В. Пространственный эскиз петроглифов Пегтymeля (по полевым наблюдениям 1999 г.) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Владивосток; Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. С. 185–188.

Головнёв А. В. Северная перспектива в истории России // Социальные трансформации в российской истории. Екатеринбург; М.: Изд-во «Академкнига», 2004. С. 476–485.

Головнёв А. В. Этничность: устойчивость и изменчивость (опыт Севера) // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 3–12.

Головнёв А. В. Слитное пространство-время в движении кочевников Арктики // Мобильность и миграции: концепции, методы, результаты. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 7–19.

Головнёв А. В. Киберскорость // Этнография. 2020. № 3 (9). С. 6–32.

Головнёв А. В., Белоруссова С. Ю., Киссер Т. С. Очерки антропологии движения. СПб.: МАЭ РАН, 2020. 336 с.

Диков Н. Н. Наскальные загадки древней Чукотки. Петроглифы Пегтymeля. М.: Наука, 1971. 132 с.

Доклад о развитии человека в Арктике (ДорЧА). Екатеринбург; Салехард, 2007.

Калевала. Карело-финский народный эпос. Петрозаводск: Гос. изд-во Карельской АССР, 1956. 339 с.

Кроль Ю. Л. О концепции «Китай — варвары» // Китай: общество и государство. М., 1973. С. 13–29.

Лехтисало Т. Мифология юрако-самоедов (ненцев). Томск: Изд-во ТГУ, 1998. 136 с.

Мельникова Е. А. Древнескандинавские географические сочинения (тексты, перевод, комментарий). М.: Наука, 1986. 231 с.

Менделеев Д. И. К познанию России. СПб.: Типо-литография М. П. Фроловой, 1906. 122 с. Младшая Эдда. СПб.: Наука, 2006. 139 с.

Нильсен Й. П. Сближение: Россия и Норвегия в 1814–1917 годах. М.: Весь мир, 2017. 708 с. Овидий. Скорбные элегии. Письма с Понта. М.: Наука, 1982. 272 с.

Подосинов А. В. Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М.: Языки русской культуры, 1999. 720 с.

Савельева Е. А. Олаус Магнус и его «История северных народов». Л.: Наука, 1983. 136 с.

Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии: Этнографическая реконструкция. М.: Наука, 1976. 312 с.

Стурлусон Снорри. Круг Земной. М.: Наука, 1980. 687 с.

Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. 2. М.: Наука, 1975.

Теребихин Н. М. Метафизика Севера. Архангельск: С(А)ФУ, 2020. 516 с.

Тиандер К. Ф. Поездки скандинавов на Белое море. СПб., 1906. 450 с.

Хлобыстин Л. П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии. СПб.: ИИМК РАН, 1998. 342 с.

Элиаде М. Космос и история. М.: Прогресс, 1987. 312 с.

Dodds K. Geopolitics: A Very Short Introduction. N. Y.; OUP, 2007.

Eriksen Th. H. What's wrong with the Global North and Global South? // Global South Studies Center. 2015. URL: <https://web.archive.org/web/20161009141000/http://gssc.uni->

koeln.de/node/454 (дата обращения: 20.05.2021).

Gordon B. L. Sacred Directions, Orientation, and the Top of the Map // *History of Religions*. 1971. Vol. 10. No. 3. Pp. 211–227.

Gräebner F. *Methode der Ethnologie*. Heidelberg: Carl Winter's Universitäts Buchhandlung, 1911.

Harley J. B. *The New Nature of Maps: Essays in the History of Cartography*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2001. 334 p.

Kirfel W. *Symbolik des Buddhismus*. Stuttgart, 1959.

Kretzenbacher L. "Der Norden ist böse!": Zu einem Symbolik-Vorurteil des abendländischen Mittelalters und seiner Nachfolge // *Österreichische Zeitschrift für Volkskunde*. N. S. Bd. XLI (90). Wien, 1987. S. 301–329.

Lauha A. ZAPHON. Der Norden und die Nordvölker im alten Testament. Helsinki, 1943.

Mahler A. G. What/Where is the Global South // *Global South Studies*. 2017. URL: <https://globalsouthstudies.as.virginia.edu/what-is-global-south> (дата обращения: 20.05.2021).

Mitchell W. J. T. *What do pictures want? The lives and loves of images*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 2005. 380 p.

Monmonier M. S. *How to Lie with Maps*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1991.

Nissen H. *Orientation. Studien zur Geschichte der Religion*. Berlin, 1906.

Osherenko G., Young O. R. *The Age of the Arctic: hot conflicts and cold realities*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1989. 316 p.

Pentikäinen Y. *Kalevala Mythology*. Bloomington; Indianapolis: Indiana Univ. Press, 1989. 265 p.

Short J. *The World Through Maps: A History of Cartography*. Toronto: Firefly Books Ltd., 2003. 224 p.

Solarz M. W. *The Global North-South Atlas*. London: Routledge, 2000. 180 p.

Vasiljev V. I. *Animistic Notions of the Enets and the Enisei Nenets // Shamanism in Siberia*. Budapest: Akademiai Kiado, 1978. Pp. 429–434.

Young S. B. *To the Arctic. An Introduction to the Far Northern World*. N. Y.: Wiley Science Editions, 1989. 354 p.

REFERENCES

Bernshtam T. A. *Russkaia narodnaia kul'tura Pomor'ia v 19 — nachale 20 v.* [Russian Folk Culture of Pomorie in the 19th — early 20th centuries]. Leningrad: Nauka Publ., 1983. (In Russian).

Bogoraz-Tan V. G. *Chukchi. Ch. 2: Religiiia* [Chukchi. Part 2. Religion]. Leningrad: Glavsevmorputi Publ., 1939. (In Russian).

Dikov N. N. *Naskal'nye zagadki drevnei Chukotki. Petroglify Pegtymelia* [Rock Riddles of ancient Chukotka. Petroglyphs of Pegtymel]. Moscow: Nauka Publ., 1971. (In Russian).

Dodds K. *Geopolitics: A Very Short Introduction*. New York: OUP, 2007. (In English).

Doklad o razvitii cheloveka v Arktike (DoRChA) [Arctic Human Development Report]. Ekaterinburg; Salekhard, 2007. (In Russian).

Eliade M. *Kosmos i istoriia* [Space and History]. Moscow: Progress Publ., 1987. (In Russian).

Eriksen Th. H. What's wrong with the Global North and Global South? *Global South Studies Center*. 2015. Available at: <https://web.archive.org/web/20161009141000/http://gssc.uni-koeln.de/node/454> (accessed: 20.05.2021). (In English).

Glazyrina G. V. *Islandskie vikingskie sagi o Severnoi Rusi* [Icelandic Viking Sagas about Northern Russia]. Moscow: Ladomir Publ., 1996. (In Russian).

Golovnev A. V. [Spatial Sketch of the Pegtymel Petroglyphs (field observations in 1999)]. *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of archaeological and ethnographic Research]. Vladivostok; Omsk: OmGPU Publ., 2000, pp. 185–188. (In Russian).

Golovnev A. V. [Northern Perspective in the History of Russia]. *Sotsial'nye transformatsii v rossiiskoi istorii* [Social transformations in Russian history]. Ekaterinburg; Moscow: Akademkniga Publ., 2004, pp. 476–485. (In Russian).

Golovnev A. V. [Ethnicity: stability and variability (experience of the North)]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2012, no. 2, pp. 3–12. (In Russian).

Golovnev A. V. [Merged Space-Time in the Movement of the Arctic Nomads]. *Mobil'nost' i migratsii: kontseptsii, metody, rezul'taty* [Mobility and Migration: Concepts, Methods, Results]. Novosibirsk: IAET SO RAS Publ., 2019, pp. 7–19. (In Russian).

Golovnev A. V. [Cyberspeed]. *Etnografiia*, 2020, no. 3 (9), pp. 6–32. (In Russian).

Golovnev A. V., Belorussova S. Yu., Kisser T. S. *Ocherki antropologii dvizheniia* [Essays on the Anthropology of Movement]. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 2020. (In Russian).

Gordon B. L. Sacred Directions, Orientation, and the Top of the Map. *History of Religions*, 1971, vol. 10, no. 3, pp. 211–227. (In English).

Harley J. B. *The New Nature of Maps: Essays in the History of Cartography*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2001. (In English).

Khlobystin L. P. *Drevniaia istoriia Taimyrskogo Zapoliar'ia i voprosy formirovaniia kul'tur Severa Evrazii* [Ancient history of the Taimyr Arctic and Issues of the formation of Cultures in the North of Eurasia]. St. Petersburg: IIMK RAS Publ., 1998. (In Russian).

Kirfel W. *Symbolik des Buddhismus*. Stuttgart, 1959. (In German).

Kretzenbacher L. “Der Norden ist böse!": Zu einem Symbolik-Vorurteil des abendländischen Mittelalters und seiner Nachfolge, *Österreichische Zeitschrift für Volkskunde*, NS, vol. 41 (90). Wien, 1987, pp. 301–329. (In German).

Krol' Iu. L. [About the Concept “China – Barbarians”]. *Kitai: obshchestvo i gosudarstvo* [China: Society and State]. Moscow, 1973, pp. 13–29. (In Russian).

Lauha A. *ZAPHON. Der Norden und die Nordvölker im alten Testament*. Helsinki, 1943. (In English).

Lekhtisalo T. *Mifologiiia iurako-samoedov (nentsev)* [Yurako-Samoyed mythology (Nenets)]. Tomsk: TGU Publ., 1998. (In Russian).

Mahler A. G. What/Where is the Global South. *Global South Studies*. 2017. Available at: <https://globalsouthstudies.as.virginia.edu/what-is-global-south> (accessed: 20.05.2021). (In English).

Mel'nikova E. A. *Drevneskandinavskie geograficheskie sochineniia (teksty, perevod, kommentarii)* [Old Norse geographical Writings (Texts, Translation, Commentary)]. Moscow: Nauka Publ., 1986. (In Russian).

Mitchell W. J. T. *What do pictures want? The lives and loves of images*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 2005. (In English).

Monmonier M. S. *How to Lie with Maps*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1991. (In English).

Nil'sen I. P. *Sblizhenie: Rossiia i Norvegiia v 1814–1917 godakh* [Rapprochement: Russia and Norway in 1814–1917]. Moscow: Ves' mir Publ., 2017. (In Russian).

Osherenko G., Young O. R. *The Age of the Arctic: hot conflicts and cold realities*. Cambridge: Cambridge Univ. Press., 1989. (In English).

Pentikäinen Y. *Kalevala Mythology*. Bloomington; Indianapolis: Indiana Univ. Press, 1989. (In English).

Podosinov A. V. *Ex oriente lux! Orientatsiia po stranam sveta v arkhaiskikh kul'turakh Evrazii* [Ex oriente lux! Orientation to the Cardinal Points in the archaic Cultures of Eurasia]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1999. (In Russian).

Savel'eva E. A. *Olaus Magnus i ego «Istoriia severnykh narodov»* [Olaus Magnus and his "History of the Northern Peoples"]. Leningrad: Nauka Publ., 1983. (In Russian).

Short J. *The World Through Maps: A History of Cartography*. Toronto: Firefly Books Ltd., 2003. (In English).

Simchenko Iu. B. *Kul'tura okhotnikov na olenei Severnoi Evrazii: Etnograficheskaya rekonstruktsiia* [Deer Hunter Culture of Northern Eurasia: Ethnographic Reconstruction]. Moscow: Nauka Publ., 1976. (In Russian).

Solarz M. W. *The Global North-South Atlas*. London: Routledge, 2000. (In English).

Terebikhin N. M. *Metafizika Severa* [Metaphysics of the North]. Arkhangel'sk: S(A)FU Publ., 2020. (In Russian).

Vasiljev V. I. Animistic Notions of the Enets and the Enisei Nenets. *Shamanism in Siberia*. Budapest: Akademiai Kiado, 1978, pp. 429–434. (In English).

Vdovin I. S. [Nature and Man in the Religious beliefs of the Chukchi]. *Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniiakh narodov Sibiri i Severa (vtoraia polovina 19 — nachalo 20 v.)* [Nature and Man in the Religious beliefs of the Peoples of Siberia and the North (second half of the 19th — early 20th century)]. Leningrad: Nauka Publ., 1976, pp. 217–253. (In Russian).

Young S. B. *To the Arctic. An Introduction to the Far Northern World*. New York: Wiley Science Editions, 1989. (In English).

Submitted: 14.08.2021

Accepted: 01.09.2021

Published: 01.10.2021